

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН

Джизакский Государственный
педагогический институт
им А. Кадыри
факультет иностранных языков
кафедра русского языка и литературы

РЕФЕРАТ

на тему «Внутренняя речь».

Принял: к.ф.н., доц. Пирназаров У.П.

Выполнил: студент 404-группы Турдибоев Б.

Джизак – 2015

ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ

Язык может входить в интеллектуальный акт, акт деятельности, на разных его этапах, в разных фазах. Во-первых, речевым может быть планирование действий, причем сами планируемые действия могут быть и речевыми и неречевыми. В этих двух случаях характер планирования совершенно различен. В первом случае это программирование речевого высказывания без предварительного формулирования плана средствами языка; во втором — это именно формулирование плана действий в речевой форме. Эти две функции речи в планировании деятельности нельзя смешивать, как это иногда делается: по-видимому, в таком смешении играет значительную роль то, что и то, и другое планирование нередко называется одинаково «внутренней речью».

Во-вторых, речевыми могут быть сами действия. При этом соотношение речевых и неречевых действий в интеллектуальном акте может быть очень различным. Это различие может быть опять-таки двояким: во-первых, указанное соотношение может меняться за счет изменения длины речевого высказывания при тождестве остальных компонентов акта деятельности; во-вторых, за счет удельного веса речевых действий в акте деятельности в целом, т. е. в результате изменения структуры этого акта.

В-третьих, речевым может быть сопоставление полученного результата с намеченной целью. Это происходит в тех случаях, когда акт деятельности достаточно сложен, обычно — когда интеллектуальный акт носит целиком или почти целиком теоретический характер (как это нередко бывает в деятельности, например, ученого).

Наиболее типичной функцией речи в деятельности является первая функция — использование речи в планировании действий, в особенности неречевых. Существуют специальные методики, позволяющие изучать эту

функцию речи даже в тех (наиболее частых) случаях, когда речь является внутренней. Наиболее известна методика электрофизиологического исследования скрытой артикуляции, разработанная и применяемая московским психологом А. Н. Соколовым. Ему удалось показать, что наиболее сильная электрофизиологическая активность органов артикуляции связана «с вербальным фиксированием заданий, логическими операциями с ними, удержанием промежуточных результатов этих операций и формулировкой ответа «в уме». Все эти факты особенно отчетливо выступают при выполнении трудных, т. е. нестереотипных и многокомпонентных заданий, как, например, при решении арифметических примеров и задач в несколько действий, чтении и переводе иностранных текстов лицами, слабо владеющими данным языком, при перефразировке текстов (изложении их «своими словами»), запоминании и припоминании словесного материала, письменном изложении мыслей и т. п. — то-есть в тех случаях, когда выполняемая умственная деятельность связана с необходимостью развернутого речевого анализа и синтеза...». Напротив, редукция мускульных напряжений речевого аппарата возникает «в результате: 1) обобщения умственных действий и образования на этой основе речевых и мыслительных стереотипов, характерных для «свернутых умозаключений», 2) замещения речедвигательных компонентов другими компонентами речи (слуховыми — при слушании речи и зрительными — при чтении), 3) появления наглядных компонентов мышления...».

Существуют и другие исследования, показывающие, как часто во внутренней речи собственно речевые компоненты подменяются слуховыми, зрительными и т. д. Н. И. Жинкин осуществил, пользуясь весьма простой методикой (испытуемые в процессе решения задачи должны были постукивать рукой по столу в заданном ритме), очень интересный

эксперимент. Оказалось, что в большинстве случаев (примерно тогда же, когда происходит редукция мускульных напряжений) постукивание не мешает внутренней речи, т. е. внутренняя речь переходит на другой код, по своей природе субъективный — код образов и схем. Специально природе этих вторичных образов (образов-мыслей), возникающих как следствие уже произведенного в речевой форме анализа и синтеза признаков предмета или явления, посвящена работа М. С. Шехтера.

В упомянутых здесь работах Н. И. Жинкина по внутренней речи анализируется случай, пограничный между собственно внутренней речью и планированием речевого действия (внутренним программированием высказывания). Испытуемому даются готовые слова, и он должен из них составить осмысленное высказывание. Здесь общим с внутренней речью является то, что перед испытуемым стоит задача оперировать с уже готовыми речевыми элементами, а не «порождать» их самостоятельно. Однако есть и момент, общий с планированием речевого действия, а именно — необходимость на определенном этапе решения задачи «догадаться о грамматической конструкции фразы», т. е. построить «в уме» модель фразы. В целом, однако, этот случай ближе к внутренней речи. Исследований же, посвященных планированию речевых действий в чистом виде, практически не существует ввиду крайней методической сложности и отсутствия сколько-нибудь общепринятой модели такого планирования, которая могла бы быть взята за основу. Единственными работами, где эта проблема ставится, являются классическая книга Выготского «Мышление и речь» и недавно переведенная на русский язык книга Дж. Миллера, Ю. Галантера и К. Прибрама. Авторы последней считают, что нормально существуют два «Плана» высказывания: «моторный План предложения» и иерархически более высокий «грамматический План», т. е. «иерархия грам-

матических правил образования и перестановки слов». Однако и у них нет четко разработанной модели этих «Планов». Тем не менее самая идея предварительного программирования речевого высказывания в настоящее время признана большинством исследователей.

Еще более неясным является вопрос о том, как осуществляется планирование внутренней речи. В том, что такое планирование имеет место, нет оснований сомневаться; ведь внутренняя речь не что иное, как речевое высказывание, хотя и сильно редуцированное и имеющее специфическую структуру. Но, насколько нам известно, в научной литературе отсутствуют какие-либо указания на этот счет; по всей -видимости, внутренняя речь разворачивается стохастически, то-есть порождение ее не требует предварительного планирования, но каждое предыдущее звено вызывает появление последующего.

В этой связи возникает интересная проблема первичности «лексемного синтаксиса». Дело в том, что в спонтанной мимической речи глухонемых, а также в автономной речи детей, в речи нормальных детей в определенный период и т. д. существует единая модель построения высказывания, отмеченная еще Вундтом, $S — (At) — O — (At) — V — (Part)$. Эта модель в известной мере отражается также и в построении обычной (звучащей) речи, обычно в тех языках, где морфемика играет относительно незначительную роль. Не исключено, что эта модель и есть модель построения высказывания во внутренней речи, а переход от внутренней речи к внешней осуществляется за счет своеобразного морфосинтаксического алгоритма, формирующегося у ребенка вместе с усвоением им грамматической системы языка. Впрочем, экспериментально изложенное здесь предположение не проверено.

Но надо сказать, что изложенная здесь гипотеза о внутренней речи как линейной структуре восходит к идеям Л. С. Выготского, трактовавшего

внутреннюю речь как сочетание смыслов. А эти идеи встречаются среди многих современных советских психологов бурный, хотя и не всегда обоснованный протест. Так, например, киевский психолог А. Н. Раевский решительно заявляет, что «внутренняя речь — это речь, отличная от внешней речи не по своей природе, а лишь по некоторым внешним структурным признакам. Нужно совершенно отбросить попытки видеть в ней речь со своими особыми синтаксическими правилами, отличными от обычной речи, и в особенности видеть в ней процесс, в котором слово, как форма выражения мысли и форма ее осуществления, умирает и сохраняется только семантическая сторона слова (Выготский). Дело в том, что слово в речи не может существовать вне его речевой формы, вне его говорения». Едва ли последняя из цитированных фраз способна опровергнуть концепцию Выготского, как не могут ее опровергнуть и демагогические ссылки на И. М. Сеченова и И. П. Павлова. Во всяком случае, ни А. Н. Раевский, ни другие авторы, писавшие после Выготского о структуре внутренней речи, не смогли противопоставить его концепции никакой иной.

В одной из своих недавних статей Н. И. Жинкин выдвинул мысль о специфическом «языке внутренней речи», каковым является, по его мнению, предметно-изобразительный код, причем «язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. Формы натурального языка определены строгими правилами, вследствие чего соотносящиеся элементы конкретны, т. е. наличие одних элементов предполагает появление других, — в этом и заключена избыточность. Во внутренней же речи связи предметны, т. е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное правило составляется *ad hoc* лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции». Таким образом, Н. И. Жинкин возвращается к основной идее Выготского.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Проблема психологического «устройства» речевых действий распадается на две. Первая из этих «подпроблем» — природа, развитие и методы исследования семантической стороны слова. Вторая — природа, развитие и методы исследования формальной стороны слова — прежде всего грамматики, а поскольку грамматическое оформление происходит в рамках высказывания, то эту подпроблему можно охарактеризовать и как вопросе грамматической структуре высказывания. Соответственно и будет построено наше дальнейшее изложение: настоящий раздел будет посвящен механизмам, «обслуживающим» семантику, следующие — механизмам, «обслуживающим» грамматику.

Не только для психолога или психолингвиста, но и для лингвиста сейчас является аксиомой различие предметной отнесенности слова и его значения. Однако характер этого различия отнюдь не очевиден.

Что такое предметная отнесенность слова? Это потенциальная возможность отнесения слова к определенному предмету или явлению, констатация того факта, что данный предмет входит в класс предметов, обозначаемых данным словом. Так, можно «отнести» слово *стол* к тому столу, за которым пишется эта страница. Однако «отнесение» соответствует лишь одному из трех компонентов связи значения, а именно — функции метки (знак — обозначение предмета как целого со всеми его выявленными и невыявленными свойствами). Остаются еще два: функция абстракции (предметы А, В, С тождественны в одном определенном отношении: знак обозначает это общее свойство) и функция обобщения (знак как обозначение класса предметов).

Однако это отличие предметной отнесенности от значения носит, так сказать, логический или металингвистический характер. Психологическую

же. специфику значения в свое время прекрасно охарактеризовал Л. С. Выготский, указавший, что оно — «единство обобщения и общения, коммуникации и мышления». Иначе говоря, мы обозначаем словом то и настолько, что и насколько представляет интерес с точки зрения потребностей общения. А с точки зрения потребностей общения представляет интерес, конечно, в первую очередь то, что соответствует коллективному опыту человечества в целом или опыту отдельного человеческого общества (народа, языкового коллектива), т. е. человек обозначает словами в окружающем его мире те элементы, которые так или иначе включены в практическую деятельность общества.

Другой вопрос — что обозначать их он может по-разному, в зависимости от условий общения. В этой связи можно обратиться к понятиям «символического поля» и «указательного поля» у К. Бюлера, показавшего, что для психологической характеристики значений некоторых слов любого языка достаточно непосредственной коммуникативной ситуации (например, местоимения), в то время как другие можно интерпретировать, только привлекая дополнительный контекст.

Употребляя в речи слово, мы можем иметь две совершенно различные с психологической стороны ситуации. Одна из них есть ситуация потенциального употребления слова, когда мы не имеем налицо реального предмета, обозначаемого этим словом. Другая — ситуация актуального употребления того же слова относительно определенного предмета. Ср. *Человек — это звучит гордо* или *всякий человек на это способен*, с одной стороны, и *вошел высокий человек в сером костюме* — с другой. Это различие было отмечено А. А. Брудным, предложившим ввести понятие «семантического потенциала» и противопоставлять друг другу два «семантических состояния» слова — внеситуативное, или системное, и

ситуативное. Соответственно различную роль играют в этих случаях вербальный контекст и реальная ситуация. Психологическая реальность различия «семантических состояний» хорошо иллюстрируется данными об афазии: афатики часто бывают не в состоянии понять слово во внеситуационном его употреблении, хотя ситуативно они его понимают.

Не вдаваясь в изложение существующих в научной литературе соображений о природе и механизме действия факторов контекста и ситуации, ограничимся указанием на две существующих концепции. Одна из них принадлежит Б. Малиновскому, утверждавшему, что в некоторых «первобытных» языках, в частности в языках Океании, интерпретация речевого высказывания в гораздо большей мере определяется прагматическим фактором, «контекстом ситуации», чем в европейских языках. Речь для океанийца — это, по Малиновскому, *speech-in-action*, речь в действии.

По-видимому, Малиновский не прав в своей характеристике океанийских языков. Но в принципе в его концепции есть рациональное зерно. Оно заключается в том, что на ранних этапах развития словесного мышления и речи участие прагматического компонента, без сомнения, было большим, чем на современном этапе. Некоторые полагают, что можно говорить применительно к определенной эпохе даже о «суждениях восприятия», основанных на личном опыте говорящего.

Этот термин неудачен, ибо едва ли первобытный человек находился по отношению к окружающей действительности в положении пассивного субъекта восприятия: он активно действовал в этой действительности. Однако сам факт правдоподобен: в пользу допущения о «суждениях восприятия» или, как их лучше называть, «чувственно-практических суждениях», говорят некоторые данные о пережиточных особенностях

мышления, собранные этнографами и психологами у «первобытных» народов. Так, например, в некоторых племенах нашей Средней Азии в конце 20-х гг. советский психолог А. Р. Лурия столкнулся со стариками, которые избегали делать умозаключения о предметах или явлениях, с которыми они непосредственно не сталкивались. Исходя из подобных данных, многие современные психологи склонны говорить о симпрактическом этапе речевого мышления.

Вторая точка зрения на соотношение ситуации и контекста представлена различными теориями значения в рамках бихевиористской психологии. Все эти теории характеризуются тем, что понимают значение исключительно прагматически — как «ответ», реакцию (Уотсон), потенциальную реакцию (Джекобсон), «опосредствующий ответ» (Осгуд), «предрасположенность поведения» (Стивенс, Браун) и др. По существу сюда же тяготеют и различные неопозитивистские трактовки значения как системы действий по определению понятия (Бриджмен), последствий использования знака (Пирс) и т. д. Ошибочность такого подхода к значению хорошо вскрыл И. С. Нарский, писавший, что «в действительности... действие субъекта, вызываемое знаком, вторично по отношению к значению: значение образует как бы разрешенный круг случаев, внутри которого операции субъекта при всех индивидуальных их различиях соответствуют данному значению».

К прагматической стороне проблемы значения имеет самое прямое отношение проблема значения и смысла слова. Ниже, говоря о смысле, мы будем опираться на понимание его школой Л. С. Выготского, и в частности — А. Н. Леонтьева.

А. Н. Леонтьев определяет смысл как «отношение мотива и цели». При одной и той же цели действия смысл действия изменяется с изменением

мотива деятельности. Иными словами, слово с одним и тем же объективно-языковым значением для каждого носителя языка (и более того — в каждом акте деятельности) приобретает свое субъективное осмысление. Смысл можно охарактеризовать как способ вхождения значения в психику. Если «значение представляет собой отражение действительности независимо от индивидуального, личностного отношения к ней человека», то смысл определяет, «чем оно (значение. — *А. Л.*) становится для меня, для моей личности».

В настоящей работе мы не имеем возможности дать развернутую интерпретацию смысла применительно к лингвистической проблематике и указать на все следствия, которые следуют из введения понятия смысла в круг нашего исследования. Поэтому укажем лишь на то, что является с нашей точки зрения главным: понятие смысла, коррелятивное понятию значения, есть эквивалент этого последнего в конкретном акте деятельности. Иначе говоря, при анализе факторов, направляющих такой акт, смысл выступает как заместитель значения; хотя субъективно мы относимся к смыслу как к значению, но реально руководствуемся в своих действиях смыслом, а не значением. Это особенно ясно видно, если мы обратимся к смыслу и значению не слов, а реальных предметов, «участвующих» в деятельности человека. Так, луддиты, разрушавшие станки, свято верили, что они руководствуются в своих действиях не личным (или групповым) интересом, а тем, что станок — «адская машина», порождение дьявола.

Смысл не связан исключительно с личностными факторами, и в этом важное преимущество учения о смысле по сравнению с другими психологическими концепциями значения. Помимо индивидуального опыта и конкретной ситуации, смысл в значительной мере связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью

данного человека. Мотив, порождающий смысл, — это чаще всего мотив, общий нескольким людям. Поэтому внутри языкового коллектива распределение смыслов соответствует внутренней структуре этого коллектива. То, что в годы господства в советской науке вульгарного социологизма относилось за счет «классовой природы языка», — это в значительной своей части относится к области системы смыслов.

Собственно говоря, и то, что обычно называется проблемой «словесных ассоциаций», есть проблема регистрации как раз смыслов. Это хорошо показала Т. Слама-Казак, испытуемые которой в год неурожая дали совершенно иные (и очень схожие у разных лиц) ассоциации, чем в благополучный с этой точки зрения год. Впрочем, и на других работах это видно достаточно хорошо. Словесные ассоциации вообще исследованы чрезвычайно детально. Начало этому исследованию было положено в 80-х гг. прошлого века Гальтоном, Вундтом и Эббингаузом; классическим трудом в этой области является монография Тумба и Марбе «Экспериментальные исследования психологических основ аналогического образования в языке». Количество работ, где используется методика словесных ассоциаций, бесконечно; существует множество вариантов этой методики. В частности, следует упомянуть о различии так называемых «свободных ассоциаций» и «опосредствованных ассоциаций». Пример свободной ассоциации: *небо* — *голубое*; из 50 испытуемых Дж. Диза 40 реагировали на слово *небо* (sky) именно так. Пример исследования по методу опосредствованной ассоциации: мы связываем ассоциацией в уме испытуемого слова А и В (например, *крыша* и *биллиард*), затем В и С (*биллиард* и *шхуна*) и исследуем, отразилось ли это на ассоциативной связи *крыши* и *шхуны*, т. е. А и С. Всего существует три типа «парадигм опосредствования»: 1) А — В; В — С; А — С?; 2) А — В; С — В; А — С?; 3) В — А; А — С?. Другое важное различие — это

различение «синтагматических» и «парадигматических» ассоциаций. Приведенный выше пример с небом — классическая «синтагматическая» ассоциация. Не менее классический пример «парадигматической» ассоциации — известный эксперимент-фокус: мы заставляем испытуемого считать вслух и одновременно требуем у него «свободных ассоциаций» на слова *дерево*, *птица* и *поэт*. Подавляющее большинство русских испытуемых отвечает на эти стимулы словами *яблоня*, *курица* и *Пушкин*. Интересно, что типичной ассоциацией со словом *tree* в экспериментах американских психологов тоже оказалось *apple*.

Помимо смысла, ассоциативный эксперимент фиксирует еще два компонента психологического «переживания» значения: аффективно-эмоциональную окраску и собственно индивидуальное дополнительное содержание, вкладываемое нами в слово. Разграничить все эти три компонента чрезвычайно сложно хотя бы ввиду того, что до сих пор отсутствует не только психологическая, но даже и лингвистическая теория эмоциональной стороны речи.

Несколько забегаая вперед, скажем, что исследование ассоциаций представляет интерес и с точки зрения грамматики. Общеизвестно, например, что есть «предпочтительные» в грамматическом отношении типы ассоциаций: на существительное испытуемый чаще всего реагирует существительным и при этом чаще всего (в 77 % случаев) — парадигматически. Напротив, переходные глаголы в 58% вызывают синтагматическую ассоциацию. Дж. Дженкинс поставил специальные эксперименты для доказательства того, что результаты ассоциативного эксперимента в принципе могут быть использованы для изучения процесса грамматического порождения в предложении; оказалось, в частности, что в эксперименте по методу Тэйлора (так называемая «Cloze procedure»), где

требуется поставить слово на место вычеркнутого слова в предложении, пробел заполняется по тем же самым закономерностям, которые известны из исследования свободных ассоциаций.

Подавляющее большинство ассоциативных экспериментов связано с совершенно определенной (прагматической) интерпретацией значения, и здесь уместно упомянуть о двух важнейших видах такой интерпретации. Для Ч. Осгуда значение — это «процесс или состояние поведения организма, использующего знак, которое рассматривается как необходимое следствие восприятия знаковых стимулов и необходимый предшественник производимых знаковых реакций». При этом значение рассматривается им как потенциальная реакция, как своего рода «предрасположение» к определенной реакции. Для К. Нобла, напротив, значение (или «осмысленность», *meaningfulness*) определяется через «ассоциативную силу» стимула: можно «измерять» эту «ассоциативную силу», подсчитывая среднее количество ассоциаций, вызываемых данным словом в минуту («величина *m*»). Осмысленность Нобл определил как «класс операций, позволяющих дать количественную характеристику способности вербальных стимулов вызывать множественные ответы».

Наиболее известна, однако, не нобловская, а осгудовская методика измерения значений. Следует сразу же оговориться, что никаких «значений» Осгуд не измеряет: он измеряет прежде всего аффективную окраску слова и в какой-то мере его смысл. Основная идея Осгуда заключается в том, что если предложить испытуемому последовательно помещать данное слово в любую точку шкалы между различными антонимичными парами прилагательных оценочного характера (типа *сильный* — *слабый*, *большой* — *маленький* и т. д.), то, количественно обрабатывая результаты, можно получить для каждого

слова известные константы. Такие константы действительно имеются, причем получается даже положительная корреляция с данными Нобла.

Существуют и другие методики психолингвистического или психологического характера, позволяющие экспериментально исследовать «субъективные» значения. Из них упомянем здесь условнорефлекторную методику, использованную проф. А. Р. Лурия и его сотрудниками. Был выработан условный рефлекс на какое-то слово, допустим, *кошка*. Оказывается, у нормального взрослого русского при этих условиях слова *стекло, карандаш, облако* и др. не вызывают реакции (в качестве реакции бралось сужение и расширение сосудов, хорошо регистрируемое на плетисмографе). Не вызывают реакции и слова *окошко, крошка*, близкие слову-стимулу по звучанию. Но на слова: *котенок, мышь, животное, собака* испытуемые реагируют. Такого рода методики дают нам более объективные данные, чем методики типа осгудовской. И, пожалуй, один из наиболее интересных результатов, полученных Лурия, заключается в том, что структура «субъективной» семантической системы не соответствует абстрактно-логической классификации. Например, слово *арфа* никогда не причислялось к струнным инструментам. Видимо, то, что устанавливается в экспериментах Лурия и аналогичных им, — это даже вообще не статическая структура, а, так сказать, направление ориентации в семантическом поле, критерии, по которым происходит выбор слов из лексикона, имеющегося в нашем распоряжении, при порождении речи. Что такие критерии существуют, что мы производим ориентированный поиск в семантическом поле, нет никаких сомнений. В современных семантических теориях можно найти идею иерархии семантических признаков слова (семантических маркеров), но этим признакам приписывается как раз абстрактно-логический характер. Из сказанного видно, что это, по-видимому, не так, но ничего определенного по

этому вопросу сказать нельзя. Во всяком случае, идея «своего рода топологии в семантическом пространстве» носится в воздухе.

Многое в наших сведениях о психологических механизмах семантической стороны речи может быть почерпнуто из исследования различных форм афазии. Практически при всех ее формах смысловое содержание слова как-то страдает, но происходит это по-разному. У больных с так называемой сенсорной афазией (поражение левой височной области) сохраняется способность к восприятию абстрактных семантических отношений; «ближайшее значение (или предметная отнесенность) слова страдает в таких случаях в гораздо большей степени, чем его обобщающая функция... Для больных с сенсорной афазией остается доступным целый ряд операций абстрактного мышления (классификация предметов, операции отношениями типа «род — вид» и т. д.)». Часты явления так называемой вербальной парафазии, когда слово заменяется другим, близким ему по значению (*делать работу с пожаром* вместо *с огоньком*). Границы значения размыты, больной не может дать слову точного определения (*тайга* — 'что-то лесное... лесное'; *футбол* — 'что-то физкультурное, а что?'). У страдающих так называемой динамической афазией (поражение передних отделов коры левого полушария) нарушения совсем иные: сохраняется непосредственная предметная отнесенность слова, но разрушается система значений, в особенности страдают различного рода контекстно связанные и переносные значения: Что движется на улице? — *Люди, автобус, троллейбус*. Про них можно сказать, что они идут? — *Нет*. Это показывает, между прочим, что механизмы языкового мышления, управляющие различными операциями над семантикой слова, различны и локализованы в разных частях коры.

Усваивая от взрослых родной язык, ребенок получает от них информацию о том, что то или иное слово относится к тому или иному явлению действительности. Но как оно относится, может быть различным и фактически оказывается различным у ребенка и взрослого. Более того, структура изменяется по совершенно определенным закономерностям, детально исследованным советскими учеными, в частности Л. С. Выготским и Н. Х. Швачкиным, и проходит несколько последовательных этапов.

Первый из этих этапов — неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов. С лингвистической точки зрения это — известный феномен полисемантизма детской речи, когда одним словом обозначаются предметы или явления, объективно не связанные или связанные очень слабо. «Словом «яблоко» называется красное яйцо и яблоко, через несколько дней это же название переносится на красный и желтый карандаш, любой круглый предмет, щеки». Этот полисемантизм вызван тем, что «первые «слова» ребенка выражают переживания в связи с восприятием предмета, они не имеют еще константного значения».

Второй этап соответствует так называемому комплексному мышлению. «В известном смысле мы могли бы сказать, что ребенок, находящийся на этой ступени развития, мыслит как бы фамильными именами, или, иначе говоря, мир единичных предметов объединяется и организуется для него, группируясь по отдельным, связанным между собой фамилиям... Значения слов на этой ступени развития ближе всего могут быть определены как фамильные имена объединенных в комплексы или группы предметов». Если в понятии отражается существенная связь и отношение предметов, то в комплексе — конкретные, случайные (хотя уже объективные) связи. Это вынуждает ребенка в поисках более существенных оснований для формирования комплексов опираться в весьма большой мере на данные

языки, относя к одному классу предметы, обозначенные одним способом. И вот «ребенок усваивает от взрослых готовое значение слов. Ему не приходится самому подбирать конкретные предметы в комплексы... Но ребенок не может усвоить сразу способ мышления взрослых». Это происходит уже на третьем этапе — этапе собственно понятийного мышления.

Существенно отметить, что этап комплексного мышления в виде реликтовых явлений сохраняется и в языковом мышлении взрослых. Эта проблема, затронутая в своё время Л. С. Выготским, — к сожалению, весьма поверхностно — ждет своего разрешения. В этой связи следует упомянуть цикл работ по экспериментальному исследованию процесса наименования, осуществленный грузинскими психологами.

В данном разделе мы, естественно, не смогли затронуть весьма многих проблем, связанных с психологической стороной семантики слова, в частности, проблему осознания значений, являющуюся одной из существеннейших психологических проблем, связанных с обучением грамматике родного языка и второму языку.

Вообще проблемы «психологической семантики» весьма важны. Но разрабатываются они весьма односторонне и недостаточно как в теоретическом, так и в практическом плане.